

Люблю приводить такой пример. В 1965 году был проведён первый опрос про жизнь в Третьем рейхе. Я тогда эту книжку в Горьковской библиотеке поймал, наши её как-то случайно закупили. Это была невероятная прелесть! 40-летние, 50-летние германцы отвечали: «Господи, как было хорошо! Не-е-е, СС — это плохо! И Гитлер — это плохо! Но и у него есть положительные черты... Но как было хорошо! Билеты в партер и на галёрку стоили одинаково. Если я приходил раньше, садился в партер, а опоздавший главный бухгалтер садился на галёрку. Молодёжь была подтянутая, спортивная, вежливая. Не курили. Наркотиками не баловались. Сексуальных переворотов не совершали. Какое было братство, у нас в обращении даже слова «господин» не было! Все называли друг друга только по званиям, хорошие товарищеские отношения. К сожалению, войну затеяли, и золотой век закончился...» Такая вот ностальгия.

? Ну хоть какие-то шансы есть?!

— Любое общество имеет шанс на мечту. Однако шанс, что изменится наш взгляд на историю, очень небольшой. Есть шанс на то, что в нашем восприятии действительности появится больше рациональных моментов, разумного эгоизма, но такая возможность может быть реализована только на основе социальной солидарности. «Голос единицы тоньше писка. Кто её услышит?..» Это Маяковский. Однако над нами довлеет принудительный коллективизм предшествующих десятилетий, и мы так и не смогли создать никаких корпораций. У нас нет даже корпоративных инстинктов на уровне «наших бьют — и нас будут бить». При отсутствии корпоративных интересов, не говоря уже о других формах социальной солидарности, человек, находящийся наедине с большой властью, очень хочет к ней прилепиться и почувствовать себя частью скалы. То, что работает на образ скалы, работает и на одинокого человека. Символическое сокращение дистанции между индивидом и верховной властью воспринимается как один из способов социальной защиты.

? В России существует два культа — палачей и жертв. При этом мало кто вспо-

минает людей, которые сопротивлялись насилию.

— Это действительно так. Когда мы говорим об эпохе 1930-х годов, вспоминаем в основном жертв. У нас предпринимается попытка пронести этот культ через два или три поколения. Сейчас буду цитировать поэта Евгения Евтушенко (*улыбается*)... Представьте себе 1970 год, журнал «Новый мир» уже не Твардовского, поэма «Казанский университет», естественно, про Ленина.

ПРИ ОТСУТСТВИИ КОРПОРАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ, НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О ДРУГИХ ФОРМАХ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ, ЧЕЛОВЕК, НАХОДЯЩИЙСЯ НАЕДИНЕ С БОЛЬШОЙ ВЛАСТЬЮ, ОЧЕНЬ ХОЧЕТ К НЕЙ ПРИЛЕПИТЬСЯ И ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЧАСТЬЮ СКАЛЫ

«Трусливые жертвы, вы славы не стоите. В стране, где террор — государственный быт, невинно растоптанным быть не достоинство, уж лучше за дело растоптанным быть!» И т. д. Понятно, что это не про народовольцев, не про Александра Ульянова. Если бы удалось сместить акценты...

В 1935, 1936, 1937 годах сопротивление террору происходило по всей стране. В тех формах, которые тогда были доступны: священник произносил проповеди, директор завода защищал своих работников от НКВД. Сосед, начальник Ворошиловского райотдела НКВД, отказался проводить массовые аресты. Жизнью заплатил за это. Читаю в документе, как один энкавэдэшный начальник жаловался другому партийному начальнику: «Приехали в лесной посёлок арестовывать врага народа, вышел пьяный начальник лесоучастка и со словами: «Опять невинных людей арестовывать будете» послал нас вон. Мешал производить арест и обыск». По-

нятно, что казус, но не единственный на самом деле.

Была, например, такая история. Начальник шахты говорит своему «помощнику» из НКВД: «Форму не носи на работу, она меня и рабочих раздражает, смотреть на тебя тошно». Тот жалобу начальству накатал.

Таких случаев не так уж и мало. Как-то их не вспоминают. Все про жертвы говорят. Мне юродивый, ругающий власть, больше симпатичен, чем инструктор, который два года искал троцкистов, на третий год его самого позвали в соседнее помещение и сказали: «Рассказывай, кто тебя завербовал». В его последних показаниях были такие слова: «Надеюсь, партия учтёт моё раскаяние и снова даст мне работу». Расстреляли.

? Если у человека иное восприятие мира и он не имеет способности адаптироваться к нынешнему режиму, он будет просто вытеснен из него?

— Вытеснен и наказан. Соответствующие сигналы верховная власть уже посылает населению. Из последнего: «Если ты, мужик, не работаешь, мы тебя в тюрьму сажать не будем, но обложим налогом на бездельников». Карательные механизмы уже работают. Однако в массовом сознании они не ассоциируются с теми, что применялись 70 лет назад. Задача историков — показать, что на самом деле это одни и те же механизмы. Не можешь адаптироваться к колхозной жизни, изволь адаптироваться к лагерной. Не можешь адаптироваться к нынешним экономическим институтам, изволь расплачиваться деньгами, нет денег — принудительными работами.

Всё большую популярность сейчас набирает идея о том, что необходимо не просто быть лояльным к режиму, но необходимо демонстрировать эту лояльность. Текущая ситуация отличается от периода 1980-х годов тем, что тогда правила игры были определены, все знали, что можно говорить, принадлежа к тому или иному кругу, на ту или иную публику, а чего нельзя. Сегодня правила игры не определены, поэтому люди проявляют невероятный энтузиазм. Делают жесты, а получается жестикуляция. **■**